

IV. Истоки и пределы социогенеза

Вечный двигатель истории Историки, политики, экономисты, философы и географы уже не одно столетие уделяют большое внимание поиску объективной основы, позволившей бы объяснять и предсказывать закономерности исторического развития. Однако фиксация какой-либо одной группы факторов, сколь убедительной она ни была, никогда не приводила к согласию по поводу их решающей роли в историческом процессе. За исключением случаев, конечно, если такое признание не навязывается силой идеологии или “общепризнанных” стереотипов. Последнее хорошо знакомо нам не только из академических традиций советского прошлого, но и из прочно вошедшей в “политкорректное” настоящее так называемой всемирно-исторической традиции, сводящей весь многоплановый и неоднородный исторический процесс к генезису оси мирового развития в лице преимущественно западноевропейской цивилизации [23]. Особенно если в качестве движущей силы исторического процесса всерьез рассматривается пресловутое “стремление народов к свободе” [24].

Значительно более глубокое и масштабное осмысление понимания исторических закономерностей дает культурно-историческая традиция, впервые декларированная еще Геродотом [25]. Работавшие в ее ключе исследователи, признавая самоценность различных культурно-исторических типов, небезрезультатно вели активный поиск универсальных источников их генеза. Так, А. Тойнби анализировал историческое развитие в рамках концепции “вызов-ответ”, по которой историческое творчество определялось реакцией на вызовы окружающей среды [26]. Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев придерживались мысли о том, что в основе развития лежат проявления многосторонности и многоплановости человеческой культуры, О. Шпенглер выстраивал хронологию цивилизаций, в том числе даже не знавших друг друга, по критерию “одновременности духовных эпох” [27], Н.И. Конрад видел источником развития чередование культурных традиций [28].

Л.Н. Гумилев, используя в качестве объекта исследования мало кого интересовавший до него процесс этногенеза, блестяще применил теорию пассионарности к периодизации и объяснению закономерностей исторического процесса [29]. Можно сказать, что выдвинутая им система взглядов, увязывающая историю с

глобальными движениями ноосферы, на сегодняшний день венчает многочисленные попытки построить логически выверенную теорию, в которой исторические закономерности находили бы невульгарное объяснение в категориях более высокого порядка, чем те, с которыми предпочитали работать большинство историков. Гумилев не побоялся ввести в историю сугубо физическую категорию – этническую энергию, что позволило обнаружить непротиворечивую основу для огромного множества исторических закономерностей, в основном относящихся к истории древнего мира и средних веков.

С момента открытия энергетической основы этногенеза прошло уже почти тридцать лет, однако природа “энергии пассионарности” до сих пор остается неясной. Л.Гумилев считал, что эта энергия имеет космическую природу, и, наблюдая над “меридиональной ориентированностью” исторически известных нам вспышек этногенеза, проводил аналогии с “рубцами”, которые оставляют на планете метеорные потоки и межгалактические лучи [30]. Впрочем, в 1970–1980-е годы наиболее глубокомысленные читатели находили в этих объяснениях апологию Божественной силы, творящей человеческую историю.

В то же время, пытаясь применить гумилевскую теорию этногенеза к исторически более близким событийным рядам отечественной и мировой истории, мы сталкиваемся с ограниченностью использования тезиса о “толчках извне” для объяснения целого ряда событий. Прежде всего это относится к локальным максимумам пассионарной активности. Конечно, их можно объяснить, приводя аналогию резонансного усиления затухающих колебаний от первоначального импульса, однако как при этом обосновать, что весьма часто “локальные максимумы” усиливаются? Например, локальный максимум пассионарной энергии, пришедшейся в России на первую половину XX века, был на порядок выше относящегося к войне 1812 года, а пассионарный взрыв на Балканах последнего десятилетия XX века оказался значительно сильнее подъема времен Балканской войны 1912 года, не говоря уж про знаменитое освобождение Балкан 1877–1878 гг., оплаченное к тому же в основном русской кровью. Далее, почему всплески пассионарной активности, имея они экзогенное (в том числе космическое) происхождение, столь точно могут совпадать с принципиальными, критичными для этноса-реципиента историческими событиями? Например, все с тем же нашествием на Россию армии Наполеона. Не считать же в самом деле, что в 1812 году России повезло, поскольку нашествие совпало с локальным

максимумом, а в случае с Крымской войной – нет? Согласно канонической трактовке Л.Н.Гумилева, пассионарный толчок создает этнос, сообщая ему оригинальный стереотип поведения и определенный “запас пассионарности”, который расходуется в работе по преобразованию среды проживания и в борьбе против антисистем, возникающих в результате суперпозиции разнородных этнических стереотипов, иначе “этнических химер”. Однако в XX веке практически все известные подъемы пассионарности были интернациональны. Кроме того, трудно говорить о территориальной локализации их очагов – за последние сто пятьдесят лет значительная и наиболее активная часть человечества пребывает в движении, и поэтому просто не может “заряжаться” пассионарной энергией в тех или иных точках планеты. Наконец, в результате изменений, произошедших за последние столетия в образе жизни, коммуникациях и политическом устройстве планеты, классические формы этногенеза канули в Лету – тем не менее “пассионарное наполнение” истории не исчезло, регулярно напоминая о себе необъяснимыми взрывами политической и военной активности и заставляя переносить на неопределенный срок прогнозы об очередном “конце истории”. Но это уже – проблемы социогенеза.

**Физические
начала этно- и
социогенеза**

На взгляд автора, перечисленные противоречия вполне могут быть объяснены, если сосредоточиться на поисках источника пассионарности непосредственно *внутри* системы человек – природная среда. Подобно любому энергетическому потенциалу, в физическом смысле этот источник реализуется в совершении работы, в частности, работы по преобразованию пространства среды проживания, растрачивается в напряжении сил в войнах, походах, завоеваниях и т.д., а в особым образом преобразованном виде – в творческой деятельности, оставляющей после себя материальные и знаковые (литературные и музыкальные произведения) памятники человеческого гения. Но что может являться источником этой работы? Анализируя этнические порывы древних цивилизаций, создававших Пирамиды или Великую стену протяженностью в континент, Л.Гумилев не находил адекватного по своей мощи энергетического источника на Земле. С другой стороны, если не считать строителей пирамид некими “сверхлюдьми”, способными утилизировать энергию из эфира, то вполне очевидно, что их энергетические затраты не могли быть больше той энергии, которую человеческий организм получает с

пищей за вычетом внутренних биологических потребностей. Они вполне могли отказаться от потребления этого энергетического излишка, накопив в своих телах жировые отложения, или же регулярно сжигать его в спортивных состязаниях и охотничьих потехах. Могли они и периодически менять сферы приложения своего пассионарного “излишка” – например, переключаться на строительство каналов. В конце концов, можно было бросить силы на повышение плодородия полей в дельте Нила, на строительство городов, на войны – мало ли было у древних нерешенных проблем? Однако если они считали нужным на протяжении жизни не одного и не двух поколений строить именно пирамиды, то, стало быть, их длительное и упорное следование одной цели не могло не являться результатом какого-то надындивидуального стремления, болезненного в своей неудовлетворенности.

Но тогда *источник энергии пассионарности естественно будет искать в разности потенциалов высших (акматических) установок этноса и реальных условий бытия*. Потенциал в своей первооснове является не энергетической, а знаковой категорией, энергия возникает лишь в процессе выравнивания потенциалов. Разумеется, она не может являться “из эфира”, а должна иметь вполне конкретный и, скорее всего, земной источник. И этот источник очевиден – энергии человеческого организма, получаемой с пищей, вполне достаточно для совершения любой физически посильной работы. Весь вопрос в том, во имя чего эта энергия утилизируется, куда направлена совершаемая с ее помощью работа. Будет ли этнос (или его наиболее дееспособная часть), как Илья Ильич Обломов, рефлексировать о прекрасных целях в “бездействии счастливом”, или стремиться “вооружась на море зол, сразить их в противоборстве” – зависит от верхнего, акматического потенциала, признанного и разделяемого большинством деятельной консорции и в своих основных чертах транслируемого на остальную часть этноса на протяжении нескольких поколений. Акматические позиции отдельных героических личностей не в счет – они могут обеспечить локальный успех, например, победу в сражении, однако не способны на долгосрочной основе служить ориентирами исторического процесса. *Идеальная цель должна разделяться большинством, акматический потенциал должен определять поведение значительных по численности групп людей. Именно по этой причине его нельзя просто взять и выдумать. Рождение и формирование акматического потенциала – вот истинное таинство, творящее историю!*

Если в древности и в Средние века объектом локализации пассионарной энергии были этносы, для которых характерны общность мировоззрения и стереотипов поведения (именно этногенез был предметом исследования Л.Гумилева), то, начиная с эпохи Нового времени, мы видим, что аналогичные по форме и по силе процессы происходят в рамках общественных консорциев, социальных и религиозных групп и слоев. Чтобы в этом убедиться, достаточно взять два наиболее ярких примера из истории XX столетия – человеческий актив революции в России и нацистского режима в Германии. Первый был представлен разноплеменной смесью из евреев, великороссов и представителей нацменьшинств – при том, что остальная (и большая часть!) перечисленных народов оставалась пассивной, противоположной по темпераменту и даже враждебной революционным преобразованиям. В случае с нацистским режимом, стремившимся представить себя исключительно порождением “германского духа”, наблюдаем подобную же мешанину: в его генезисе более чем очевидна роль негерманцев, а его становление раскололо германское общество не столько политически (нацисты vs. коммунистов и либералов), сколько эмоционально: одна часть была готова самым активным образом сражаться и погибать за Рейх, другая была не прочь сделать выбор в пользу относительно сытой и спокойной жизни в границах фатерлянда. В обоих случаях мы имеем дело с гиперактивностью весьма широких, но отнюдь не доминирующих социально-политических групп, не получивших возможностей реализовать свою энергию при царском или кайзеровском режимах. Всплески пассионарной энергии могут генерироваться и проявляться как в среде обездоленных, так и у власти предрержащей, в рамках как этносов, так и полиэтнических групп, в пределах канонических конфессий и отдельных сект. Именно текущие, постоянно возникающие проявления пассионарности, воздействуя на стационарные, стремящиеся к гомеостатическому состоянию²³ отношения между частями и субъектами общества, и творят историю. Не будь их – максимум, что мы слышали бы из текущих новостей, были бы прогнозы погоды и сообщения о стихийных бедствиях, – последствия которых при известном уровне технического прогресса и общественной организации также можно минимизировать. Этаким идеал “конца истории”, который видят

²³Состоянию динамического равновесия (термин был введен в физиологию У.Кеноном в 1929 г., в последующем стал широко использоваться для характеристики “подвижной устойчивости” в сложных системах).

своим эсхатологическим пределом адепты всех нормативных теорий общественного бытия – от убежденных коммунистов до современных протестантских либералов из США или “воинов ислама”.

Порукой тому, что история не прервется, является естественная человеческая неудовлетворенность существующим положением вещей и собственным статусом. Но для того чтобы индивидуальная неудовлетворенность, способная привести разве что к малорезультативным проявлениям личного действия, действительно стала движущей силой истории, она должна (1) отличаться устойчивостью своего напряжения на достаточно продолжительном временном отрезке и (2) обладать известной массовостью. Индивид может провозгласить практически любую цель и усилием воли последовательно вести себя к ее воплощению. Но это будет чисто субъективный, волюнтаристский процесс. Сотворить нечто подобное на общественном уровне уже невозможно. Цели, разделяемые той или иной общественной группой, если не брать в расчет времена пророков, не должны иметь видимого индивидуального источника, к тому же для них желательно наличие сакральной природы. Согласитесь, что посвящать чему-то годы своей жизни, тем более рисковать последней, можно только по отношению к цели, обладающей не только внешней, но и высшей по отношению к своему субъекту природой.

Обустройство как процесс обретения и утраты гармонии

В то же время естественно предположить, что в основе акматического целеполагания должны находиться вполне понятные и в чем-то прозаичные вещи: безопасность, достаток, обеспечение воспроизводства и преемственности поколений – иными словами, *обустройство жизненной среды*. Но в отличие от животных, также обустривающих свои гнезда, норы или подконтрольную территорию, человеческое сообщество осуществляет схожую работу в эгрегоре задач куда более высокого плана, нежели простое биологическое выживание.

Поэтому в акматическом идеале, рассматриваемом как данность, всегда можно выделить *высшую*, “горную” область, содержащую религиозные, национальные, духовно-философские императивы и цели. А также *вариабельную* часть, являющуюся результатом конкретно-исторической практики. При этом, если высшая область

акматического идеала априорно гармонична и способна обеспечить органичный характер жизни и деятельности человека в окружающей его среде, то вторая часть акматического идеала более пластична и подвержена внешним и внутренним модификациям. Именно здесь возникают объективные различия в целеполагании между слоями общества, консорциями и социальными группами. Данная сфера открыта для внешних воздействий, и именно сюда возможна инфильтрация посторонних идей. С одной стороны, результатом подобного взаимопроникновения на луче времени является социогенез – процесс исторического развития человеческой общности, когда-то идентифицировавшей себя принятием высших акматических идеалов. С другой стороны, социум или его части могут терять изначально присущую органичность своего включения в окружающую среду, в последующем восстанавливая ее или утрачивая в еще большей степени. Нарушение органичности жизни – вызов, в ответ на который социум (или его часть) должен стремиться совершить определенную позитивную работу. И от того, насколько эффективно такая работа совершается, зависит его настоящее и будущее.

Динамика факторов гармоничности акматического идеала (АИ) в процессе социогенеза

Высшая область акматического идеала:		
религиозные убеждения, национальная самоидентификации, духовные основы общества		
Вариабельная область акматического идеала:		
Этапы социогенеза	Основное содержание акматического идеала	Состояние гармоничности элементов акматического идеала
1. Обеспечение безопасности первоначального жизненного пространства	Отражение вражеских набегов, создание и первоначальное обустройство защищенных участков территории. Личностный жизненный успех отождествляется с выживанием этноса.	Для немногочисленных и универсально разделяемых элементов АИ характерна высокая органичность, определяемая ясностью и непосредственной связью с физиологическим выживанием индивидуума. При наличии внешней угрозы АИ может поддерживаться неизменным исключительно долго. Из-за преобладающей ориентации на выживание новые вызовы не нарушают гармоничности элементов АИ.
2. Обеспечение устойчивости	Освоение и преобразование жизненной среды для нужд	Появление новых возможностей и целей, связанных с использованием

воспроизводства при гарантированном физиологическом выживании и обороне	хозяйственного использования. АИ сочетает в себе как задачи непосредственного физиологического выживания, так и цели, определяемые возможностями использования “избыточного” продукта. Идеалом личностного успеха становится членство в “дружине” (“страже”), дающее право на присвоение части общественного излишка.	“общественных излишков”, модифицирует прежний АИ. В силу сохраняющейся ориентации на обеспечение базовых потребностей его новые элементы, как правило, органично сочетаются с прежними.
3. Экспансия – экстенсивное расширение границ жизненного пространства	В процессе <i>активной экспансии</i> акматический идеал содержательно копирует АИ предшествующего этапа, но теперь может быть реализован значительно большим числом индивидов, обустроивающих новое жизненное пространство путем простой репликации элементов своей прежней жизненной среды. При <i>исчерпании</i> возможностей расширения возникает потребность в интенсивном типе развития.	В процессе экспансии органичность АИ поддерживается сравнительно легко. Поскольку переход к интенсивному типу развития представляется “продолжением” экспансии (продолжение “похода” в поисках Эльдорадо, Беловодья и т.д.), то активно развивается абстрактное целеполагание, нарушающее органичность прежнего АИ (раскол, реформация, новые выразительные формы в искусстве и т.д.).
4. Первоначальное <i>интенсивное</i> обустройство жизненной среды	Усиление мотиваций к зажиточности, богатству, развитию или силовому захвату стационарных “центров прибыли”. Стремление к контролю над территорией впервые начинает уступать место контролю за торговыми коммуникациями и рынками.	Как правило, быстрый рост “избыточного” продукта сопровождается его неравномерным присвоением, что усиливает социальное расслоение и приводит к инфильтрации в АИ еще недостаточно структурированных протестных идей.
5. Дальнейшее обустройство жизненной среды (индустриальная эпоха)	Усиливается актуальность мотиваций предшествующего этапа. В связи с формированием узкоспециализированных социальных функций, возникают дополнительные – профессиональный и классовый – уровни целеполагания. Максимальное развитие получают разнообразные политические учения и партийное строительство.	Из-за диверсификации целеполагания органичность АИ резко снижается. Классы и консорции перестают понимать друг друга, их взаимное оппонирование доходит до гражданских войн. Пик социальной конфликтности при значительно меньшей, чем в прошлом, степени нужды миноритарных сословий. Концентрация богатства и управленческих возможностей приводит к росту амбициозности правящих слоев общества, также

	<p>Начало ревизии констант высшей области акматического идеала.</p>	<p>расшатывающей органичность АИ. Совокупность диверсифицированных, ослабленных акматических идеалов становится прекрасным субстратом для инфильтрации извне посторонних идей.</p> <p>Гармонизация теряющего единство множества акматических идеалов возможна либо через “империалистические” войны, либо путем эффективной социальной политики.</p>
<p>6. Жизнь в обустроенной среде (постиндустриальная эпоха)</p>	<p>Относительно высокий уровень хозяйственного развития и военно-политической стабильности приводит к постепенному ослаблению мотиваций “борьбы за богатство”, на смену которым приходят цели оптимизации жизни “в достатке” среднего класса.</p> <p>Активное продолжение ревизии высшей области акматического идеала.</p>	<p>Разрушение последних “общих” полей в варибельной части акматического идеала. На смену этнической самоидентификации приходит ощущение мультикультуры.</p> <p>Целеполагание во многом становится реактивным, имея в основе архетипичный страх “потерять имеющееся”.</p> <p>Предвкусение “конца истории”.</p> <p>Предел такого развития – “царство, разделившееся на враждующие части, приходит в запустение” (Мф.12:26). Для поддержания единства акматического идеала приходится прибегать к паллиативам – от национального мифотворчества до футбола.</p> <p>Замещение органичных элементов высшей области АИ артефактными целями и теософскими конструкциями.</p>

Как видим, ключевой категорией развития акматического идеала в процессе социогенеза выступает *обустройство жизненной среды*. Какими бы сильными ни были идеальные представления и ожидания людей, в конечном счете человек, будучи из плоти и крови, стремится к защищенности, комфорту и гарантированной безопасности воспроизводства своей биологической сущности – хотя бы как необходимого условия дальнейших духовных поисков. “Пассионарные” факторы развития – такие, как стремление к власти, славе, “геройство храбрых”, – играют, безусловно, важную роль, однако продолжают оставаться частными элементами процесса *стремления к обустройству*. По-видимому, *стремление к*

обустройству – одна из фундаментальных мотиваций человеческой сущности, сублимат стремления вернуться в оставленный Эдем, предельная из доступных человеку в материальной среде форм сотворчества с Богом. Сколь ни самоценны духовные поиски, но не их переменчивый, неуловимый результат, а именно обустроенная жизненная среда дает лучшее оправдание смысла жизни, подводит счет в непрекращающейся борьбе людей и обществ за право обладания истиной.

Понятно, что на ранних и средних стадиях процесса обустройства, характеризующихся максимальным разрывом между координатами акматических целей и реального бытия, избыток энергетичности неизбежно ведет к выделению определенного числа аномально активных членов общества – пассионариев. Тем более что в отсутствие обустроенной жизненной среды им практически нечего терять²⁴, и свойственный человеку инстинкт самосохранения ослабляет свое действие.

Ценой обустройства жизненного пространства является постепенная утрата органичности акматического идеала – таков один из непреложных законов социогенеза. Этот процесс мотивируется расходящимися интересами общественных групп по мере роста общественного богатства, которое более не приходится расходовать на физическую защиту жизненных рубежей. Но жизнь в полностью оформленной и отлаженной жизненной среде оказывается подверженной не меньшим опасностям, чем в период первоначального обустройства. Только в данном случае опасности приходят не извне, а изнутри. Равнодействующей этих опасностей является соблазн стать на путь достижения равновесия с окружающей внешней средой, ценой которого становится рост энтропии, а пределом – смерть.

Задача любого разумного государственного устройства в сформировавшейся жизненной среде – не допустить для своего народа "прекращения истории". Этого можно добиться, если на основе сохраняющих свое действие универсальных акматических идеалов суметь поддерживать гармоничность ключевых целей ведущих социально-этнических групп, препятствуя возникновению

²⁴На протяжении столетий пассионариев принимали как данность, определяя их как героев, святых или великих разбойников. Пожалуй, первыми, кто попытался целенаправленно создать соответствующую общественную группу на основе утративших обустроенную жизненную среду вчерашних крестьян – ныне промышленных пролетариев, которым было "нечего терять, кроме своих цепей", – стали классики марксизма-ленинизма.

антисистем. Сохранение хотя бы минимальной общности высшего акматического целеполагания является залогом поддержания в социуме творящего живого начала, делающего его отличным от простой совокупности биологических организмов и препятствующего его деструкции.

Однако что же лежит в основе *высшего акматического целеполагания*: Бог, космос, естественно-природные, социальные факторы или их сочетание? Мы не знаем окончательного ответа на этот вопрос и, скорее всего, никогда не узнаем его в силу тех же причин, которые скрывают от нас тайну Бытия. Допуская разумное начало своего появления на планете, логично предположить, что Творец сохранит за собой тот или иной инструмент, позволяющий корректировать процесс онтогенеза человечества. Так или иначе, Божий дар вверяется в человеческие руки, и теперь уже от людей зависят все его дальнейшие трансформации.

Как вращают Землю

Коль скоро акматическое целеполагание тем или иным путем возникает и проявляет себя в масштабах этносов, социальных слоев, групп и консорциев, оно неизбежно вступает в активное взаимодействие с разнообразными факторами, определяющими личностное и социальное поведение людей. Наряду с уже затронутым нами взаимодействием с внешней средой, интерес представляет связь с коллективным бессознательным – архетипом, проявляющимся как на уровне этносов, так и их отдельных социальных структур.

Как мы уже отмечали, именно разрыв между координатами акматических целей и точками реального бытия образует ту разность потенциалов, которая позволяет этносу или социальной группе совершать работу, направленную на преобразование реальности. Разумеется, что необходимая для совершения подобной работы энергия будет черпаться из абсолютно понятных и элементарных источников – человеческой пищи, корма используемых человеком животных или топлива для машин и механизмов, которые, начиная с появления парового двигателя, превратились в незаменимый инструмент преобразования окружающей среды. Что касается нематериальных продуктов пассионарной деятельности человека – социальных и государственных институтов, правовых нормативов, образов искусства, то в терминах физики они пользуются все тем же энергетическим источником. А источник особой нематериальной

“энергии творчества” вполне естественно связать с феноменом акматической неудовлетворенности человека, заставляющего его вместо банального “прожигания жизни” устремлять свои мысли и действия к “искусствам творческим, высоким и прекрасным”.

Сфера акматического целеполагания не одномерна, как не является одномерной человеческая жизнь. Она задает свои координаты в религиозном сознании, в военной и колониационной деятельности, в обустройстве территорий, в хозяйстве (экономике), в культуре, искусстве и т.д. Поэтому корректно говорить о целостном *акматическом пространстве*, характеризующем осознанную сферу человеческих устремлений. С другой стороны, поведение и деятельность членов этнических и социальных сообществ самым активным образом регулируется сферой коллективного бессознательного – *архетипом*. Говорить о пространственной структуре архетипа, наверное, вряд ли целесообразно ввиду высокой скрытости и непостоянства его содержания. Ведь речь идет и о сакральных тайнах, и о скрытых страхах, унижениях и обидах, рудиментах оставленных религий, древних мистериях и т.п.

Влияние архетипа на результат социогенеза в рамках, задаваемых акматическим пространством, нельзя недооценивать. Он определяет ритм движения к цели, фактуру пути, реакцию на противодействующие факторы, траекторию преодоления препятствий. Архетип оказывает влияние и на элементы акматической сферы, внося в них те или иные корректировки – наподобие тех, которые “восточная”, “монгольская” составляющая подсознания русского человека привносили в результате практически всех реализуемых им цивилизационных проектов.

Процесс взаимодействия акматического пространства и архетипа происходит в рамках реальных условий жизни, деятельности и общественно-политической организации, в которые погружены этносы или схожие с ними по роли социальные группы. Но реальное бытие – не просто фон, на котором разворачивается действие исторического и социального развития, оно – непосредственный и активный участник процесса. Динамика преобразования реального бытия определяет характер взаимодействия акматического идеала с архетипом (отсюда, в частности, проистекают как ощущение “удовлетворенности” развитием, так и всевозможные комплексы “опаздывающих”: от стремления “подстегнуть коней” до намерений в последнем рывке “загнать клячу истории” или же, не тратя сил, сразу уйти из игры). А легкие победы часто оказываются страшнее неудач, поскольку

“поднятый” и неизрасходованный запас социальной энергии может начать искать иные пути реализации, не всегда конструктивные и сбалансированные по результатам.

*Акматическое пространство и архетип на фоне реального бытия можно рассматривать как две половинки условного “психофизического тела” этноса или крупной социальной группы. Они могут пребывать как в здоровой гармонии, так и в болезненной противоречивости. Акматический идеал, изначально приходящий к людям неким непознанным, таинственным путем, всегда высоко органичен психофизической природе человека и, как правило, хорошо гармонизируется с большинством видов его деятельности – от антропогенного преобразования природы до формирования конструкций социально-политической организации. В последующем в системе “акматическое пространство – реальное бытие” возможны расстройства и сбои. Так, Л.Н.Гумилев считал, что одной из причин такого рода нарушений служат неорганичные, комбинированные стереотипы поведения, возникающие в результате наложения изначально органичных, но качественно разнородных стереотипов – в частности, в результате межэтнических контактов. Действительно, история знает достаточно примеров такого рода, при этом практически все из них можно объяснить перерождением этнических архетипов. Именно неявленные “гибридные” архетипы способны образовывать “этническую химеру”, поскольку в открытой акматической области трудно сформулировать и провозгласить некий убийственный, исполненный противоречий и зла идеал. А вот творить зло, одновременно *вполне искренне* провозглашая движение к безупречной цели, за многие века истории человечество позволяло себе более чем достаточно.*

К схожим последствиям могут приводить и изменения в системе “акматический идеал – реальные условия бытия”. Именно в ней, как мы знаем, возникает та разность потенциалов, которая вынуждает субъектов этно- и социогенеза совершать как требующую энергетических затрат работу, так и создавать нематериальные “высокие продукты” – от примеров личного героизма до бессмертных произведений искусства. Но что произойдет, если в результате проделанной работы реальное бытие приближается к своему акматическому идеалу? Ответ очевиден: разность потенциалов уменьшается, вместе с ней падает способность к совершению работы. Когда подобное происходит с человеком, его настигает усталость, приходят чувство ложной удовлетворенности сделанным, апатичное нежелание ввязываться в новые дела. Нечто

подобное происходит и на общественном уровне, в сфере массового сознания этноса или отдельных социальных групп. Когда такое случается, нет лучшего момента для военного или политического удара со стороны более энергичного противника.

Схематическое представление “органичных пар” из области акматического пространства и области архетипа. Каждый элемент в акматическом пространстве представлен отдельным измерением, части из которых можно сопоставить органичное измерение из области архетипа. Для некоторых элементов такого однозначного соотнесения построить нельзя – например, если среди акматических идеалов присутствует специфическая религиозная или политическая идея. В части подобных непарных элементов архетипа назовем такие, как:

- образ “Града Небесного” (Китеж, Беловодье, Небесный Град Иерусалим, Мон-Сен-Мишель и т.д.)²⁵;
- страх утраты сакральных ценностей;
- языческий опыт постижения мира;
- страх поражения и опустошения своей территории;
- страх личной несвободы;
- национальные и расовые фобии;
- мифологические инклюзии;
- чувство пространства (агарофилия) и т.д.

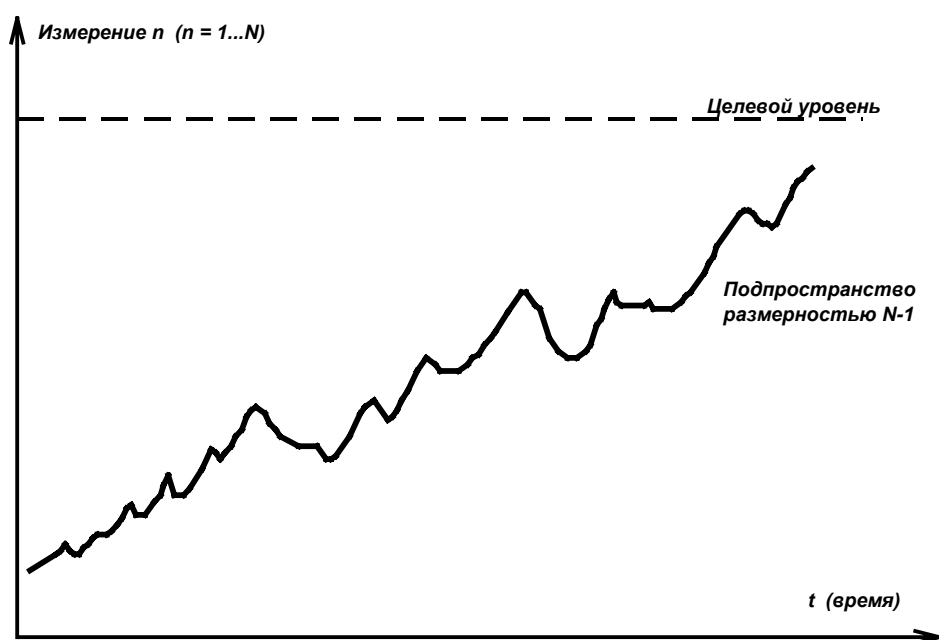
Очевидно, что между перечисленными элементами архетипа и идеалами

²⁵В то же время *активный поиск* Беловодья, Грааля и т.д. – уже элементы акматического пространства

акматического пространства образуются более сложные конфигурации связей.

Гипотетическое расстояние между акматическим идеалом и противостоящим ему элементом архетипа можно считать аналогом *заряда* (в науке об электричестве заряд – одна из постулируемых категорий, в определении которой используется не имеющее дефиниции понятие “количество электричества”). Мы лишь знаем, что в основе последнего лежат электрон и его элементарный заряд, проявляющийся во взаимодействии с другими элементарными частицами. Пользуясь этой аналогией, в основе психосоциального заряда, или, как условимся его именовать в дальнейшем, *facultas effectus – фактор действия*²⁶, мы найдем бинарные взаимодействия акматических установок и элементов архетипа). В условиях разности потенциалов акматического идеала и реального бытия в системе возникает тот или иной энергетический уровень, восполняемый физической и ментальной работой, совершаемой людьми. Благодаря наличию психосоциального аналога заряда (фактора действия) этот энергетический потенциал превращается в энергию.

Разумеется, у совершаемой людьми работы есть вполне земной источник энергии – это поступающие в организм с пищей белки, жиры и углеводы. Фактор действия изменяет назначение этой энергии, превращая ее из энергии жизнедеятельности биологического существа в энергию человеческого разума, преобразующую ландшафты и творящую историю.

На графике схематично представлен процесс реализации акматического идеала. С течением времени, по мере преобразования под влиянием сознательной

²⁶ *Facultas Effectus* (лат.) – способность (возможность) действия. Автору представляется, что латинский термин точнее передает сущность того, что мы хотим определить в качестве психосоциального аналога заряда.

человеческой деятельности реального бытия, компонента n из N -мерного акматического пространства приближается к “целевому уровню”.

Интерес представляет процесс, происходящий с энергетическим потенциалом системы. Из физики известно, что энергия системы W с разностью потенциалов U в момент времени t описывается формулой

$$W(t) = 1/2 q(t) U(t).$$

Здесь q - фактор действия (психосоциальный аналог *заряда*), который, как нам представляется, можно определить разностью измеримых координат акматического идеала и противостоящего ему элемента архетипа.

Тогда, чтобы избежать возникновения излишка энергии в процессе движения этносоциальной системы к заданному акматическому идеалу, необходимо выполнение условия равенства производных:

$$\partial U / \partial T \approx \partial q / \partial t.$$

Если же разность $\partial U / \partial T - \partial q / \partial t$ существенна, в системе возникает избыток этносоциальной энергии. Люди готовы к активной деятельности, однако не могут найти себя в реализации органичного акматического идеала. В лучшем случае этот избыток энергии станет источником расцвета искусств и духовного развития. В худшем – сформирует антисистему, пойдет на развязывание войн и т.д. Стремление индивидуума избавиться от “излишней” энергии будет питать “комплекс Танатоса” – подсознательное влечение к смерти, к переходу в неорганическое состояние с минимальным, а в своем метафизическом пределе и нулевым (вакуум) уровнем энергетики.

Утомленные жизнью

Однако существует еще и опасность, не меньшая национальной депрессии. Сокращение разрыва между реальностью и идеалом не обязательно сопровождается пропорциональным уменьшением энергетического потенциала членов общества. *Остающаяся энергетичность, не имея более привычных, задаваемых координатами акматического пространства, целей и объектов приложения, может обрушиться на своих же носителей.* Оказавшиеся в подобном положении члены общества будут, с не меньшей страстностью, “по старой привычке” искать новых приложений своих сил. В такое время могут быть как созданы великие произведения искусства, так и начаты бессмысленные войны. Чувство органичной реалистичности, присущее начальным фазам цикла этно- и социогенеза, сменит поиск абстрактных образов, ясность и прямоту – мироощущение сумерек в изысканной игре теней и полутонов, на смену открытости

и прямоте в общении с Богом придут мистика и оккультизм. А на место типичного для пассионариев на фазе акматического подъема презрения к смерти приходят ее апология и эстетизация. Вспомним, как писал Федор Сологуб:

“О смерть! я твой. Повсюду вижу
Одну тебя, – и ненавижу
Очарования земли”.

“Прощая жизни смех злорадный
И обольщенья звонких слов,
Я ухожу в долину снов,
К моей невесте беспощадной...”

При этом проповедь “красоты конца” утрачивает какой-либо утилитарный смысл по формуле “смерть во имя...”, а самоубийство возводится в разряд высшей добродетели, принимая на себя роль доказательства полноты собственной воли. Для наделенного разумом и волей индивидуума, живущего в подобную переломную эпоху, избыток энергии, который уже не представляется возможным использовать в работе по изменению реальности в направлении акматического идеала, перемещается в борьбу с самой жизнью.

Культ смерти и апология самоубийства, находящие свое отражение в произведениях искусства, позволяют с высокой точностью определить географические и временные координаты подобного рода этносоциальных надломов. Крупнейшие из них и ближайшие к нам – это западноевропейский романтизм конца XVIII – начала XIX веков и русский Серебряный век.

Таким образом, уже поверхностный анализ взаимодействий, происходящих в системе “акматическое пространство – реальное бытие – архетип”, свидетельствует о наличии целого ряда противоречий и опасностей, являющихся своеобразной платой за возможность созидательного импульса. Подобно тому как этносоциальные антисистемы (“химеры”), возникающие в результате межэтнических контактов, реализуют себя через нарушение органичного восприятия мира и разрушение вмещающей их природной среды (во всяком случае, это мнение Л.Н.Гумилева никто пока не опроверг), “опережающее приближение” к акматическому идеалу, оставляющее запас неиспользованной энергетичности, схожим образом заставляет общество работать против самого собственного бытия. Пусть вербальная поэтизация

смерти остается уделом литературной элиты – Дж.Г.Байрона, Ф.Сологуба, А.Добролюбова, К.Случевского и др., – однако однажды высказанные и упавшие на подготовленную почву, их образы и мысли становятся мощнейшим индуктором схожего мироощущения уже на массовом уровне. *Общество начинает жить готовностью к совершению некоего надличностного аналога самоубийства*²⁷. Цели, идеалы, сложившиеся формы социальной организации, политические конструкции, религия – все это внезапно становится объектом агрессии со стороны тех, для кого, во имя кого и чьим в конечном счете трудом все это создавалось. Данным феноменом объясняется многое – от обреченности успехов Наполеона еще задолго до похода в Россию или Лейпцигской битвы и до интересующего нас поражения России в русско-японской войне. Победа никогда не придет туда, где ее не хотят и не ждут²⁸.

²⁷Приведу небольшую выдержку из интервью директора Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. Сербского Т.Дмитриевой, посвященного проблеме печального лидерства современной России по числу самоубийств [31]. В последние годы уровень самоубийств в нашей стране достиг 40 случаев на 100 тысяч населения – иными словами, на протяжении ожидаемой для 14-летнего подростка средней продолжительности предстоящей жизни в 41 год добровольно уйдет из жизни каждый 60-й (1.6%). Говоря о мотивациях решающегося на суицид индивидуума, известный психолог в качестве “модельной” выстраивает следующую причинно-следственную цепь: *“неожиданное банкротство, потеря работы, смерть любимого человека, то есть какая-то личная трагедия. Обычно целый клубок проблем, изначально обусловленных социальным стрессом... <Но> существует <и> так называемая “улыбающаяся депрессия”, когда человек шутит, улыбается, и только специалист может по глазам, по мимике определить, что у этого человека глубочайшая депрессия...”*. Аналогия с социумом, потерявшим ориентиры и дрейфующим под преобладающим влиянием факторов коллективного бессознательного, прослеживается здесь более чем очевидным образом.

²⁸Других исторических примеров можно приводить достаточно много, обратим лишь внимание на череду труднообъяснимых поражений Красной Армии в Великой Отечественной войне в 1941 – первой половине 1942 гг. Что лежало в основе этих поражений, по совокупности потерь ставших крупнейшими в мировой военной истории, – слабая мобилизационная и техническая готовность (во что трудно поверить применительно к крупнейшей мировой армии той эпохи, практически непрерывно вооружавшейся начиная с 1918 года), месть военачальников Сталину за 1937 год или самоубийственный надлом народа, практически реализовавшего к началу сороковых акматический идеал “государства нового типа” и еще не успевшего принять идущий ему на смену идеал, связанный с возрожденной “советской державностью”?

События нашей новейшей истории (1985–1991 и последующие годы) с совершенно необъяснимой чередой потерь, уступок и непрекращающейся деградацией общественно-экономических институтов до сих пор не получили целостного объяснения (если не считать таковыми теории “неумолимого тяготения народов к либерализму” или “заговора внешних сил”). К сожалению, есть достаточно оснований предполагать, что и в их основе – суицидальный синдром народа, лишившегося акматического идеала.

Везение как неслучайность

Но возникает и еще один любопытный аспект. Система “акматическое пространство – реальное бытие – архетип”, по своему определению и позиционированию являясь частью ноосферы, не может не взаимодействовать с ее другими физическими элементами и полями. Вновь возникший акматический идеал, увязанный с особенностями архетипа и позволяющий органично преобразовывать окружающую человека реальность, изначально пребывает в высокой степени гармонии с “единой средой природы и человека, в которой человек становится крупнейшей геологической силой²⁹” (где под термином геологической силы, согласно В.И.Вернадскому, следует понимать становящиеся беспрецедентными возможности человека по изменению ландшафта и самой природы Земли – вплоть до способности ее полного уничтожения). Мы не знаем, что происходит в ноосфере, когда органичность той или иной этносоциальной системы сменяется конфликтностью и саморазрушением. Однако естественно предположить, что при этом нарушаются какие-то неведомые нам “тонкие связи”, отвечающие, в том числе, за такие категории, как успех, удача, везение (с тем, что подобные “тонкие связи” существуют, сомневаться не приходится, иначе как объяснить саму Жизнь, которая с точки зрения второго начала термодинамики вообще не должна была состояться). *Возможно, именно эти самые “тонкие связи”, существующие и действующие в ноосфере, определяют то, что все мы привыкли приписывать либо везению, либо промыслу свыше.* Уповая на них, люди готовы принять и принимают любой непомерный риск, мотивируя свою уверенность примерно теми же доводами, что столь емко выразил Николай Гумилев, оказавшись на полях Первой мировой войны:

Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть!

Человек всегда интуитивно чувствует предстоящий успех или провал. Есть много свидетельств того, что 22 июня 1941 года, после объявления войны СССР, на улицах Берлина у людей преобладало мрачное и весьма пессимистическое настроение. Напротив, вплоть до сдачи Киева германским войскам 19 сентября 1941 года, в сознании советских людей, несмотря на понимание всего трагизма складывающейся на фронтах ситуации, определенно преобладала

²⁹Комбинированное определение ноосферы по трудам В.И.Вернадского [32]

уверенность не только в неизбежной, но и достаточно скорой победе или, по крайней мере, в заключении с противником достойного мира. Аналогичным образом соотносятся невероятная “везучесть” конкистадоров и первопроходцев с обреченной неудачностью большинства последующих войн за обретенные земли при чередовании поражений и неурядиц в метрополиях. Даже на индивидуальном, личном уровне мы можем наблюдать подобную зависимость: в новых, органичных нашей природе делах и начинаниях человек несравненно более удачлив, нежели когда он влачит в хвосте обстоятельств или пытается реализовать в своей деятельности ту или иную антисистему, вместо органичного и целостного подхода к существу акцентирующуюся на механическом отрицании принципиальных элементов реального бытия.

У Экклезиаста сказано: “человек не знает своего времени. Как рыбы попадают в пагубную сеть, и как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них” [Экк., 9:12]. “Знание времени”, точнее, понимание своего места и перспективы в многогранном процессе взаимодействия человеческого общества и окружающей среды само по себе не приносит людям счастья. Но иногда – позволяет избежать непоправимых ошибок. Представленные выше рассуждения помимо того, что они детализируют некоторые положения книги, служат для автора своего рода теоретическим обоснованием многих исторических явлений и состояний общества в прошлом и настоящем. Быть может, в силу универсального характера описанных процессов за пестротой социальных, национальных, политических и личностных факторов когда-нибудь станет возможным корректно различать элементарные комплексы человеческой личности, мечтающей о небе, но вынужденной выстраивать свою жизнь в жестких земных реалиях. Во всяком случае, если общество научится выходить из переломных эпох без губительных для себя и окружающего мира суицидальных коллизий, у людей будет оставаться больше времени, чтобы подумать о более простых и вечных вещах.